

22 березня 2001 р. Верховна Рада України ухвалила Бюджетний кодекс України, відповідно до якого всі податки, у тому числі ПДВ, спрямовуються до бюджету АРК. Примітно, що зазначеної норми у поданому законопроекті не було. Поправка щодо залишення всіх податків у розпорядженні АРК була внесена народним депутатом України від Криму В. Мироненком і підтримана Верховною Радою України. До того ж, зазначена норма діятиме лише з 2002 р.

Бюджетні проблеми не розв'язані на рівні Верховної Ради та Ради міністрів АРК. Протистояння посилив підготовлений проект бюджету автономії на 2001 р., який керівництво Верховної Ради піддало суворій критиці.

Протистояння гілок влади не могло не позначитися на інших сферах суспільно-політичного життя автономії. Незважаючи на вжиті урядом республіки, місцевими органами влади заходи щодо вирішення соціальних, економічних, політичних проблем депортованих громадян, протягом 2000 р. не припинялися інциденти в міжетнічних відносинах. У кількох районах кримськими татарами пікетувалися будівлі райдержадміністрацій, розбивалися наметові містечка, перекривалися автошляхи і залізничні колії, не обійшлося й без сутичок учасників акцій протесту з працівниками правоохоронних органів. У Нижньогірському районі внаслідок такого зіткнення постраждали 7 міліціонерів і 10 пікетників. До кінця 2000 р. загострилися проблеми в міжконфесійних відносинах, про що свідчать такі негативні явища, як осквернення могил, пам'ятників і культових установ.

Голова Верховної Ради Л.Грач на контакт з представниками кримських татар не пішов, заявляючи, що Меджліс кримськотатарського народу сьогодні – єдина в Україні діюча радикально-націоналістична організація, і держава Україна поки не може, а, можливо, і не хоче поставити її у рамки закону. На його думку, Меджліс кримськотатарського народу в Криму є вибуховим детонатором [11, с. 7-12].

У свою чергу, лідер кримських татар М. Джемільов 4 серпня 2000 р. у газеті «Крымское время» опублікував статтю «Шовіністична сволота сидить у нас в органах влади», в якій різко й образливо висловився на адресу Верховної Ради АРК та її керівництва.

Конгрес російських общин Криму на районному мітингу в м. Білогірську зажадав «забезпечити захист і безпеку російського населення, що проживає в Криму, від екстремістських дій лідерів кримськотатарського населення і згідно із законом заборонити діяльність формувань кримських татар у вигляді так званих «меджлісів».

Розуміючи, що такі заяви і заходи не сприяють зміцненню дружби між народами, стабілізації обстановки на півострові, уряд усіляко протидіяв будь-яким виявам націоналізму. Зокрема, працівники Ради міністрів АРК узяли участь у серії «круглих столів» з проблем міжетнічних відносин у Криму. Численні пропозиції та рекомендації перебувають на стадії впровадження. Низку нарад з проблем депортованих провів голова уряду С. Куніцин.

У режимі «недовідставки» уряд працював до 1 серпня 2001 р., виконуючи всі покладені на нього функції, зберігаючи керованість соціально-економічними процесами, взявши на себе основне навантаження з розв'язання міжетнічних, міжконфесійних та інших проблем.

Джерела та література

1. Копиленко О. Л. Україна і Крим: “переговори у справі нового ладу” (документи і матеріали). – К.: Новий парламентський інститут, Парламентське видавництво, 2001. – 232 с.; Копиленко О. Л. З історії законодавства про громадянство України. – К.: Новий парламентський інститут, Парламентське видавництво, 2001. – 72 с.; Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу: Монографія. – К.: Таксон, 2002. – 342 с.
2. Крымские известия. – 1999. – 20 мая.
3. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 1999. – №1.
4. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 1999. – №4.
5. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 1998. – №12.
6. Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 1999. – №5.
7. Интерфакс – Украина. – 2000. – 15 марта.
8. Крымская газета. – 2000. – 11 февраля.
9. УНІАН. – 2000. – 1 вересня.
10. УНІАН. – 2000. – 17 липня.
11. Грач Л. Крымская автономия – ответ на вызов исторического периода. – Симферополь, 2001. – Віче. – 2001. – 5 (110).

Горюнова Е.А. ПОЛИТИКА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В КРЫМСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Актуальность проблемы коллективного землепользования на сегодняшний день не вызывает сомнения, поскольку данный вопрос остается одним из ключевых в рамках широкомасштабного реформирования аграрного сектора. "Смогут ли фермеры стать достойной заменой коллективным хозяйствам? Не приведет ли передача земли в частные руки к окончательному запустению сельскохозяйственных районов? Какие формы коллективного землепользования являются наиболее рентабельными и смогут обеспечить подлинное возрождение крымской деревни?". Эти и другие подобные аспекты волнуют политиков, общественных деятелей и рядовых граждан, поскольку аграрный вопрос до сих пор является ключевым вопро-

сом украинской действительности. На наш взгляд, некоторые ответы мы сможем получить, исследовав ситуацию 20-х годов, когда сельское хозяйство Украины и Крыма также подвергалось коренной перестройке. Большевики в первой половине 20-х годов начинают выполнять свои обещания и раздают земли крестьянам, но при этом не забывают о своей главной задаче – создать государственные сельскохозяйственные предприятия, и оказывая им всяческую помощь и поддержку, добиться ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства. При этом на первых этапах Советская власть надеялась реализовать свои цели в большей степени экономическими методами. Однако на деле все оказалось совсем иначе. Колхозы и совхозы несмотря на ощутимую государственную поддержку оказались нерентабельными, а "частники" к 1925 году смогли достичь довольно высоких показателей предвоенного времени.

Тем не менее, советская историография на протяжении длительного времени освещала колхозное строительство как единственно правильный вариант развития аграрного сектора [1]. При этом после XX съезда партии, осудившего культ личности, в работах советских историков стала доминировать линия об искажении Сталиным ленинского кооперативного наследия, что и привело к негативным результатам в ходе коллективизации [2]. Однако если обратиться к источникам дореволюционного периода, картина окажется диаметрально противоположной. На IV съезде РСДРП в 1906 году В.И. Ленин настаивал на включении в аграрную программу российских социал-демократов требования о национализации земли как меры буржуазно-демократической. Но Ленина тогда не поддержали и даже Сталин голосовал за предложения "разделлистов" [3].

В апрельских тезисах 1917 года Ленин вновь поднимает вопрос о национализации земли, но рассматривает ее как меру социалистическую. "Мы должны требовать национализации всех земель, т.е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти". Эта мера, по мнению Ильича, была необходима для создания на селе "из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем Советов батрацких депутатов" [4].

После провозглашения перестройки и снятия грифа секретности с архивных документов появилось множество работ, рассматривающих ситуацию в деревне в 20-е годы с иных позиций. В 90-е годы большинство исследователей Украины и России приходит к выводу о том, что в большевистской партии на протяжении 20-х годов идеологические соображения брали верх над экономической целесообразностью и колхозно-совхозное движение не только не решило проблем деревни, но и обострило социальные противоречия на селе [5].

Основопологающей целью данного исследования является изучение на основе архивных документов начального этапа колхозного и совхозного строительства в крымской деревне. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: оценить реальные экономические возможности коллективных форм землепользования в сравнении с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, определить размеры помощи государства колхозам и совхозам и выявить отношения крестьян к первым шагам большевиков в вопросах коллективизации.

В последние дни гражданской войны органы Советской власти в Крыму начали планомерно воплощать в жизнь свои планы в сфере урегулирования поземельных отношений. 16 ноября 1920 года было организовано Управление совхозами, "которое объединило все имения нетрудового типа". К марту 1921 года было учтено и обследовано 978 хозяйств с общей площадью 729800 десятин. Данные обследования можно проследить по таблице [6].

Районы	Число имений	Общая площадь (дес.)	Средний размер имения	Пахотных земель	Лугов	Сады и спец. культуры
Джанкойский	143	141808	992	117017	2275	390
Евпаторийский	158	203618	1286	145117	2446	198
Феодосийский	88	63638	1469	57820	3567	76
Судакский	114	3745	33	228	190	709
Карасубазарский	118	89618	759	34200	1183	2183
Симферопольский	138	117896	854	76391	2029	2341
Бахчисарайский	120	19341	161	3765	355	1012
Севастопольский	42	6422	153	2000	48	556
Всего по Крыму	921	646086	4307	436578	12093	7995

Все эти крупные земельные владения подлежали реквизиции и национализации в интересах жителей полуострова. К середине 1921 года в ведении Управления совхозами находилось уже 1115 частновладельческих хозяйств, а на национализированных землях было создано 136 совхозов [7].

В резолюции IV областной партконференции, состоявшейся в мае 1921 года, в качестве основного направления политики большевиком на селе провозглашалось внедрение коллективных форм землепользования. "Основное положение марксизма, – говорилось в резолюции, – есть положение о неизбежной гибели крестьянского хозяйства в процессе экономического развития. В задачи Коммунистической партии не входит увековечивание земельной собственности крестьян..." Поэтому перед местными властными органами выдвигались задачи по организации следующих коллективных хозяйств:

1. Советские хозяйства, как показательные культурные рассадники. "Совхоз как хлебная фабрика".
2. Сельскохозяйственные трудовые коммуны, как продукт самостоятельности сельского пролетариата на пути к обобществлению сельского хозяйства.

3. Сельхозартели и товарищества по общественной обработке земли как переходная ступень к обобществлению сельского хозяйства.

При этом в резолюции отмечалось, что в Крыму имеются благоприятные факторы для преобразования деревни на коллективистских началах. Одним из таких благоприятных моментов, по мнению большевиков, являлось наличие достаточно большого количества крестьянской бедноты, что позволит в дальнейшем "проводить расслоение деревни и вести пропаганду социалистического земледелия..." [8].

Получив одобрение из центра, партийные, советские и земельные органы власти Крыма приступили к социалистическому обустройству села – созданию сельскохозяйственных коммун, товариществ и артелей, членами которых становились исключительно бедняцкие слои деревни и демобилизованные красноармейцы. Уже к концу 1921 года в Крыму насчитывалось 7 коммун, 332 товарищества по совместной обработке земли и 48 артелей. Общая сеть коллективных земельных объединений, включая и совхозы, составляла 323 хозяйства [9].

17 октября 1921 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление "О сельскохозяйственных коллективах", которое в условиях новой экономической политики все сельскохозяйственные коллективы приравнивало в отношении выполнения государственных налогов к хозяйствам единоличников и предоставляло им право после выполнения государственных планов распоряжаться излишками продукции по своему усмотрению. Сельхозколлективы, имевшие общегосударственное значение (семенные, племенные) передавались в непосредственное ведение Наркомзема [10].

Однако, несмотря на настойчивые рекомендации Москвы, процесс создания коллективных хозяйств в Крыму в начале 20-х годов проходил чрезвычайно медленно и не дал желаемых результатов.

В середине 1921 года местная власть вынуждена была признать "экономическую незаинтересованность батраков работой в совхозах", что, в конечном счете, приводило к значительному снижению общего уровня производительности и культуры на бывших нетрудовых землях (совхозах) [11]. В особой мере это сказалось на садоводстве – многие национализированные сады приходили в запустение, что вынудило крымское руководство передавать их бывшим владельцам.

Подобные явления вызвали недовольство большевиков, но они не видели иного выхода и вынуждены были уже в 1921 году приступить к реорганизации совхозной сети. До января 1922 года 41 совхоз был передан в аренду Военпроднабу, Центросоюзу, Агрослужбе, Наркомпросу и другим учреждениям, кооперативам и артелям. В ведении Крымсовхоза, образованного на базе бывшего управления совхозами осталось 95 хозяйств с общей площадью 106283 десятины. Все совхозы были разбиты на 20 групп во главе с заведующими, которые подчинялись непосредственно Крымсовхозу [12]. Такая реорганизация должна была способствовать достижению более четкого взаимодействия между крымскими властными органами и совхозами.

Но совхозы были не в состоянии разрешить поставленные перед ними задачи в условиях начавшегося голода. Поэтому местная власть вынуждена была пойти по пути дальнейшей передачи совхозов в аренду. К концу февраля 1922 года еще 65 совхозов были сданы в аренду и перешли в ведение вновь образованного Управления Государственных Имуществ (ГЗИ). В подчинении Крымсовхоза оставалось только 30 совхозов, с общей площадью земель в 50000 десятин, причем засевалось в 1922-23 годах только 25% пахотной земли [13].

Однако неудачи не остановили большевиков, которые продолжали ставить перед совхозами грандиозные задачи: "доказать преимущества социалистического хозяйствования пред капиталистическим, явить лучшую организацию труда, резко повысить культуру земледелия, стать прологом к созданию крупного сельскохозяйственного производства". Чтобы сохранить оставшиеся совхозы президиум Крымского обкома принял решение об использовании всех средств для поднятия совхозов "как опорных пунктов возрождения сельской экономики" [14].

В начале 1923 года по заданию Крымского обкома в республике был составлен "Перспективный план развития советских хозяйств Крыма на 1923–33 годы". В преамбуле этого документа отмечалось, что имевшиеся совхозы "не являются показательными для населения вследствие недостатка рабочего скота, плохой организации и использования наемного труда". Для ликвидации подобных явлений предлагалось увеличить кредитование совхозов, использовать многопольные севообороты, улучшать технику обработки почвы, снизить себестоимость продукции, делать ставку на овцеводство и свиноводство как наиболее прибыльные отрасли, подчинить полеводство животноводству и другие мероприятия [15].

На протяжении 1924 года совхозному строительству Крыма была оказана существенная поддержка ссудами в общей сложности на 25.5 млн. рублей. Это помогло улучшить материальное положение совхозов, но реального сдвига в их деятельности не произошло. Посевная площадь в 1924 году не только не увеличилась, а снизилась с 13780 до 12208 десятин [16].

Попытка Наркомзема разобраться в сложившейся ситуации продемонстрировала довольно неприглядную картину: "частая смена руководства в совхозах, низкая рентабельность различных отраслей хозяйства, отсутствие строгой отчетности, систематическая порча садовых угодий через вырубку деревьев на дрова" – таков далеко не полный перечень неблагоприятных явлений крымской совхозной действительности. Несмотря на ощутимые финансовые вливания материальное положение совхозов продолжало ухудшаться, что вновь заставило местные органы власти приступить к передаче совхозных земель в аренду.

Центрами коллективного землепользования должны были стать сельхозартели, состоящие из бедняцких и середняцких хозяйств. Было решено выделить ряд населенных пунктов, с которыми заключались договоры о переходе к кооперативным формам использования сельхозмашин и установления общих правил ведения хозяйства всеми жителями деревень. В течение 1925–26 годов было подписано 53 таких дого-

вора [17].

В индивидуальных крестьянских хозяйствах складывалась иная ситуация – к 1925 году урожайность зерновых практически достигла довоенного уровня. Средняя урожайность зерновых культур с 1 десятины в 1914 году составлял 14,4 центнера, а в 1925 – 13,7 центнера. При этом несколько увеличилась по сравнению с довоенным периодом урожайность ржи, овса, кукурузы и проса [18].

Аналогичная ситуация складывалась в крестьянских хозяйствах, занимавшихся выращиванием специальных культур. Так в 1916 году средняя урожайность виноградников составляла 134 пуда с десятины, а в 1925 – почти 140 пудов. Средняя урожайность табака до революции составляла 50 пудов с десятины, а в 1925 году достигла 70 пудов [19]. Эти успехи крестьян были в немалой степени обусловлены снятием ограничений на сдачу земли в аренду и на использование наемного труда. Однако подобные уступки крестьянству не означали коренного изменения политической линии партии в отношении сельского хозяйства, а были необходимы для решения продовольственных проблем, активизации товарооборота между городом и деревней.

Однако данная динамика свидетельствовала и о просчетах большевиков – коллективные формы хозяйств оказались непопулярными, нерентабельными и были обречены несмотря на активную помощь и поддержку со стороны советского государства. Немаловажной проблемой можно считать и тот факт, что в колхозы стремились только бедняцкие слои населения, которые таким образом мечтали улучшить свое материальное положение. Средняцкие категории деревни не спешили расставаться с полученными земельными наделами и стремились развивать свое хозяйство. Однако им всячески препятствовали всевозможные ограничения советских властных органов, занимавшихся землеустройством, вследствие чего средняя величина земельных наделов колебалась в пределах 20–25 десятин, что не соответствовало реальным потребностям рачительных крымских хозяев.

Неудачи совхозно-колхозного движения в Крыму вызвали резкую критику местной власти со стороны Москвы. В ответ на негативную реакцию центра секретарь Крымского обкома партии С.Д. Петропавловский на XI партконференции отмечал: "Указывалось, что нами мало использовались помещичьи земли для коммун. Это надо будет посмотреть, но плохо будет, если мы коммуны и колхозы будем строить исключительно на помещичьих землях, нам необходимо строить их и на крестьянских землях, только тогда мы можем рассчитывать на здоровый элемент социализма в деревне" [20].

С начала 1925 года в Крыму развернулась подготовка к всекрымскому съезду колхозов, в ходе которой проводились обследования 164 коллективных хозяйств (11 коммун и 153 артелей). В результате обследования оказалось, что только 12% коллективных хозяйств имели стаж существования более трех лет. Самый большой удельный вес в составе колхозов приходился на татар (37%) и русских (25%). Большое количество татарских колхозов объясняется политикой переселения из малоземельных горных и предгорных районов крестьян-татар в степные зоны и создания переселенческих земельных обществ. На одну сельхозкоммуну приходилось в среднем 477,7 десятин земли, на одного коммунара – около 70. Из 11 коммун 4 не имели лошадей вообще, 6 не имели волов, в 4 не было коров. Из 153 артелей 124 оставались безлошадными, а 143 не имели волов. Ни в одном из коллективных хозяйств не было мелкого скота и птицы [21].

Отправной точкой новой политики партии в отношении коллективных форм землепользования должен был стать Всекрымский съезд колхозов, который начал свою работу в Симферополе 2 марта 1926 года. К этому времени в республике было зарегистрировано 1154 колхоза. Однако в процессе заседаний съезда оказалось, что эта цифра искусственно завышена и в действительности в Крыму всего 427 коллективных хозяйств. Общая площадь колхозов составляла около 80000 десятин, а обрабатывалось менее половины. В докладах съезда отмечалось, что многие вновь создаваемые колхозы быстро самоликвидировались. В принятой резолюции съезда прямо указывалось, на то, что "коллективным хозяйствам пока не удалось стать определяющим фактором сельского хозяйства, они нуждаются в серьезной государственной поддержке по линии кредитования, в лучшей организации труда и постановки учета" [22].

Таким образом, в течение первой половины 20-х годов XX века большая часть земель коллективных и государственных хозяйств оставалась необработанной, а сами совхозы, артели и товарищества вместо образцово-показательных сельскохозяйственных предприятий представляли собой экономически убыточные объединения, которые были не в состоянии прокормить даже самих себя и вынуждены были постоянно просить дотации у государства.

Источники и литература

1. Пономарев В.А. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинско-сталинских идей кооперирования крестьянских масс. – М.,1948; Добринский В.М. Борьба Коммунистической партии за проведение в жизнь ленинско-сталинских идей союза рабочего класса с крестьянством. – М.,1949; Игнатъев В.Л. О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти. – М.,1948 и др.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.,1978; Панченко П.П., Євтушенко А.П. Радгоспи: шлях становлення і розвитку (1917–1980). – К.,1982; Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – М.,1967; Селунская В.М. Борьба Коммунистической партии за социалистические преобразования в сельском хозяйстве. – М.,1961; Трапезников

- С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – М.,1974; История советского крестьянства. – М.,1986; Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1964 и др.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.1. – М.,1970. – С.162–163.
 4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.31. – С.166.
 5. Атоян О.Н. Сельскохозяйственная кооперация Украины периода непа: проблемы политики и истории в литературе 20 начала 30-х гг: Дисс... канд. ист. наук. – Киев,1990; Бакуменко А.П. Здійснення нової економічної політики в Україні (1921–1925 рр.): Дис... канд. іст. Наук. – Київ,1992; Морозов А.Г. Кредитная сельскохозяйственная кооперация УССР в годы непа: Дисс. Док. Ист наук. – Киев, 1994; Лях С.Р. Наймана праця у сільському господарстві України в умовах непу. – К.,1990
 6. Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ). – Ф. 2313. – Оп.15.– Д.256.– Л.128.
 7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.17. – Оп.13. – Д.502. – Л.60.
 8. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20.
 9. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20.
 10. Сборник важнейших постановлений и распоряжений ВЦИК VIII созыва, 1921. – С.126–127.
 11. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20
 12. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.19–20.
 13. ЦГА РФ. – Ф.2313. – Оп.15. – Д.14. – Л.17–18.
 14. Известия Крымского обкома РКП (б). –1922. – №1. – С.1–4.
 15. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.97. – Л.40–41.
 16. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.268. – Л.10.
 17. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.373. – Л.108.
 18. ЦГА РФ. – Ф.2313. – Оп.13. – Д.148. – Л.9
 19. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.18. – Л.118; – Д.310. – Л.1; – Оп.2. – Д.7. – Л.81.
 20. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1.– Д.368. – Л.123.
 21. Там же. – Ф.Р-663. – Оп.1. – Д.435. – Л.8–12
 22. Красный Крым. – 1926. – 3 марта.

Деремедведь Е.Н.

КРЫМ ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА Р. ЛАЙЕЛЛА

Актуальность темы. Характеристика Крыма, как и России в целом, в английской литературе путешествий XIX века сформировалась на основе реакционной геополитики и сложившихся отношений российской монархии с европейскими государствами.

Указанный период времени насыщен активным участием царского самодержавия в борьбе за передел сфер влияния в мире, стремлением правящей элиты к возможно более полной реализации собственно российских политических и экономических интересов на европейском пространстве. Конкурентами в данном соперничестве выступали Османская империя, Франция, Англия, Австро-Венгрия, Пруссия, которые были признанными лидерами в искусстве ведения войн, успешно использовали свое географическое положение в выработке национальных стратегий внешней политики.

При этом итогом Отечественной войны 1812 года стал сокрушительный разгром французской наполеоновской армии. Однако небывалое поражение российского флота в Крымской войне 1853-1856 г.г. и унижительные для России Парижские соглашения привели в последствии к утрате ее влияния в Причерноморском регионе и вынужденному переходу к “соглашательской” тактике ведения политического диалога с “заграницей” князем М. Горчаковым.

Поэтому, на наш взгляд, бесспорным будет утверждение о том, что Крым, как часть России того времени, воспринимался представителями различных слоев западного общества именно в контексте вышеназванных событий.

В тот достаточно сложный для империи период времени в Европе много писали и говорили о России, прежде всего, в журналистских и путевых очерках, где изначально российские образы представлялись в негативном свете.

Так, русские города в заметках европейских путешественников описывались как азиатское смешение языков и стилей, скученность базара, живущего по законам не города, но большой деревни, на границе - сплошные опасности: море и горы, ледяные и знойные пустыни, дикие племена и коварные разбойники.

Немаловажным представляется и то, что, описывая Россию, западные авторы высказывали порой парадоксальные мнения. Россия в записках многих путешественников и в некоторых официальных дипломатических донесениях выступала перед читателем почти сказочной страной, где практически нет естественного света - либо она скрыта тучами, либо отражается от снега или льда. Подчеркивалось, что в стране - мало городов и особенно мало дорог, а те, которые есть, разрушаются под действием непогоды. Кроме того, согласно западным описаниям, для России характерным являлось большое разнообразие языков, ей был присущ и весь диапазон известных климатических условий: от холодной стужи до нестерпимой жары. Кроме того, происхождение русских людей связывали со смешением кровей славян и туранских племен, то есть попросту их считали азиатами. Подтверждением тому служат строки, написанные в 1839 году французским путешественником маркизом де Кюстином. По его словам, нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии.

Так создавался и культивировался на “цивилизованном” Западе образ России как варварской страны,